

СОЦИАЛЬНЫЕ КОММУНИКАЦИИ В УСЛОВИЯХ «ЦИФРОВОЙ ЭКСПАНСИИ»

DOI: 10.19181/vis.2021.12.1.703

Социальные парадоксы коммуникации в постконфликтных обществах

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31565 «Социологическое измерение межнационального и межрелигиозного согласия в Республике Крым и Севастополе при использовании полумарковских процессов и агентного моделирования»

Ссылка для цитирования: Ярмач О. В., Большакова М. Г., Шкайдерова Т. В., Маранчак А. Г. Социальные парадоксы коммуникации в постконфликтных обществах // Вестник Института социологии. 2021. Том 12. № 1. С. 136–152. DOI: 10.19181/vis.2021.12.1.703.

For citation: Yarmak O. V., Bolshakova M. G., Shkayderova T. V., Maranchak A. G. Social communication paradoxes in post-conflict societies. *Vestnik instituta sotziologii*. 2021. Vol. 12. No. 1. P. 136–152. DOI: 10.19181/vis.2021.12.1.703

**Ярмач
Ольга Валерьевна¹**

¹ Севастопольский государственный университет,
Севастополь, Россия

sociocentre@sevsu.ru

AuthorID РИНЦ: 862892

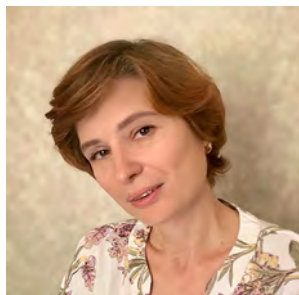

**Большакова
Мария Геннадьевна¹**

¹ Севастопольский государственный университет,
Севастополь, Россия

marie-mary@yandex.ru

AuthorID РИНЦ: 780756

**Шкайдерова
Татьяна Викторовна¹**

¹ Севастопольский государственный университет,
Севастополь, Россия

romy@mail.ru

AuthorID РИНЦ: 782094

**Маранчак
Анастасия Геннадиевна^{1,2}**

¹ Севастопольский государственный университет,
Севастополь, Россия

² Институт общественных наук и международных отношений,
Севастополь, Россия

amaranchak@yandex.ru

AuthorID РИНЦ: 1078016

Аннотация. Актуальность исследования постконфликтных обществ продиктована тем, что в цифровую эпоху эффективное силовое решение должно подкрепляться участием в формировании информационной повестки и управлением информационными потоками. Кейсы цветных революций позволяют говорить о коммуникации как о факторе формирования неконвенциональных социальных установок.

Результаты социальной медиааналитики информационных потоков на Украине и на территории Крыма, осуществлённой авторами, показали, что на кризисных условиях в социуме формируются коммуникативные сети, которые создаются с использованием и благодаря внешнему влиянию. Информационные потоки постконфликтного общества формируются не только из реальных событий повседневности и существующей социально-политической ситуации, а ориентируясь на ряд тематик и дискурсов, которые должны присутствовать в медийном поле в обязательном порядке. Они выступают информационными триггерами, системными пусковыми элементами, формирующими различное протекание потоков, которые были дифференцированы авторами как одно- и мультиволновые.

Анализ выявленных потоков, представляющих коммуникативные сетевые конструкции, свидетельствует о различном генезисе их возникновения и функционирования, но определяющим в этом процессе является геополитический запрос на формирование медиатреков. Информационные потоки постконфликтных обществ выступают коммуникативно-политическими структурами, имеющими двойную природу: изначально несут идеи открытого и демократического общества, но затем формируют конфликтные ситуации в гражданском и медийном полях.

Ключевые слова: социальные медиа, большие данные, информационный поток, Республика Крым, Украина

Сегодня существует чёткое убеждение, что отношения власти и общества во многом зависят от коммуникаций. Мировое сообщество уже неоднократно наблюдало за тем, как коммуникации способствовали смене власти в странах, создавая общественные движения с помощью социальных медиа и в целом изменяли их коммуникационное пространство. Социолог М. Кастельс считает, что данный процесс обусловлен тем, что, с одной стороны, условия жизни населения в определённой стране постепенно ухудшаются, с другой – присутствует политическая халатность, которая приводит к социальному отчаянию, требующему эмоционального выхода. Такой эмоциональный выход зачастую осуществляется через коммуникации и систему информационных потоков. Но остаётся вопрос об инфраструктуре этих потоков, их контенте и приёмах распространения.

Современные политические оппозиционные движения не просто пользуются социальными сетями и коммуникациями, без которых этих движений не существовало бы в принципе: они рождаются из интернета, распространяются через социальные сети и только потом – охватывают всё общество и формируют общественное мнение. Но если в основе подобных движений лежит сеть, она должна иметь центр, чёткое распределение функций, структуру и систему управления. Основной особенностью таких сетей является открытость и отсутствие формальных

границ, и, соответственно, возможность участия в них широких масс населения. То есть, социально-коммуникационные сети, по мнению М. Кастельса, формируют пространство автономии, которое рождается из взаимодействия киберпространства и реальной жизни, обладает способностью к самоорганизации, являясь трансформационной силой для традиционных политических и социальных институтов общества [2].

Возвращаемся к генезису и инфраструктуре описанных коммуникационно-политических сетей. Зачастую исследователи не наблюдают спонтанности их возникновения и хаотичности распространения информационных потоков. Социальными триггерами и спусковыми механизмами обычно выступают физические лица, реагируя на какое-то конкретное событие; затем происходит стремительный информационный всплеск, и эти триггеры охватывают всё медийное пространство, тем самым формируя медиаповестку и общественное мнение. Таким образом, можно говорить о наличии вирусного характера распространения информационных потоков, усиленных цифровыми коммуникациями, позволяющих распространять смысловые конструкции политических оппозиционных движений уже на всё общество.

Описывая процессы построения современных коммуникационных сетевых конструкций, авторы попытались проанализировать генезис формирования информационных потоков, их контента, веса и структуры в постконфликтных обществах, находящихся в ситуации культурных и социальных трансформаций.

Существенная исследовательская проблема заключается том, что изначально возникающие коммуникационно-политические структуры, выступающие за открытые и демократические идеи, приводят в конечном итоге к возникновению локальных гражданских конфликтов и несут серьёзные геополитические последствия для конкретных стран.

Актуальность исследования процессов реинтеграции обществ, находящихся в постконфликтном состоянии, продиктована активной вовлечённостью современной России в процессы обеспечения международной безопасности на постсоветском пространстве. Кроме того, в цифровую эпоху эффективное силовое решение должно подкрепляться участием в формировании информационной повестки и управлением информационными потоками в условиях идеологического противостояния основных мировых акторов.

Глобальный контекст исследований коммуникационных сетей связан с трендом расширения национальных интернет-аудиторий, усилением влияния информационных технологий на политические процессы, изменением функциональности политических институтов, трансформацией форм политического участия и политического поведения.

Кейсы цветных революций – Арабской весны, массовых политических протестов на постсоветском пространстве в Молдове, Армении, Казахстане, Республике Беларусь, на Украине – позволяют говорить

о коммуникации как о факторе формирования неконвенциональных протестных установок и тиражирования экстремистских стратегий поведения.

Наиболее масштабно и результативно применяется формирование описанных коммуникационных сетей, в частности, на Украине и на территории Крыма. Среди применяемых технологий при их формировании можно отметить в первую очередь целенаправленное создание активно-нигилистических информационных потоков; формирование сети онлайн-сообществ, занимающихся созданием «образа врага»; распространение идей и смыслов, направленных на формирование антиросийских установок.

В рамках авторского исследования уделяется внимание именно таким технологиям в области межнациональных и межконфессиональных коммуникаций на Крымском полуострове, в частности – выявлению структурных и параметрических особенностей межнациональных и межконфессиональных коммуникаций в этнических группах, проживающих в Крыму. Новизна исследовательского кейса анализа процесса формирования межнациональных и межконфессиональных коммуникаций на Крымском полуострове связана с осуществлением поиска интеграционных критериев, способствующих созданию общих культурных кодов, условий для достижения межнационального и межконфессионального диалога на полуострове, смысловых конструкций, объединяющих интернет-аудиторию полуострова в сфере этнического и религиозного дискурсов.

Теоретическая основа исследования

Анализируя коммуникационные сети и формируемые ими информационные потоки, авторы обращаются к сетевым теориям, методология которых была заложена М. Грановеттером [7], П. Лазарсфельдом, Я. Морено. Важны в рамках нашего кейс-стади идеи Э. Тоффлера об информационно-коммуникационных технологиях как о факторе социальных изменений, которые создают коллективные действия политического характера и формируют новые ценностно-смысловые ориентиры [5].

Идеи одного из крупнейших социологов современности и исследователя коммуникаций М. Кастельса, изучающего сетевые общества, актуальны для нашего анализа в ракурсе рассмотрения современного политического процесса, существующего посредством социальных медиа, в частности, анализа коммуникативных сетей, формируемых в контексте антиросийского дискурса [2; 3].

Обращаемся к теории медиакратии как следствию феномена культуры коммуникационного изобилия, которое формирует политические идеи, в частности, о цифровой демократии, сетевом обществе, кибергражданах и википравительстве [11]. Согласно размышлениям М. Маклюэна, коммуникации, с одной стороны, предоставляют

гражданам возможность включения своих вопросов в общественную повестку и участия в политической и гражданской дискуссиях, а с другой – выступают «связанным» и контролируемым цифровым миром: «Каждое новое средство коммуникации обычно «очаровывает» своих пользователей, в действительности «навязывая свои предпосылки, убеждения и ценности» [9]. Анализ феномена коммуникативного изобилия предоставляет возможность изучения влияния на государственные институты старой представительной демократии и формирования сетевых обществ с медиаконструкциями, имеющими вирусный характер.

Для нашего исследования значимы тезисы о новых проявлениях коммуникационного изобилия: наличие у всех граждан равных прав в выражении своего мнения; разрыв социальных связей между правительством, бизнесом и гражданским обществом [4]. «Закон» Маклюэна, что инструменты коммуникации связывают своих пользователей заранее установленными паттернами, приводит к пониманию медиакратии как новой формы политической олигархии, которая опирается на медиа и коммуникации [9]. Этот новый метод управления обществом за счёт невидимых сетей коммуникации и закрытых информационных каналов позволяет понять медийные алгоритмы общества, находящегося в ситуации культурного и социального кризиса [10].

Отдельный исследовательский интерес для нас представляют кейсы моделей влияния в социальных сетях российских учёных Д. А. Губанова, Д. А. Новикова, А. Г. Чхартишвили [1]; моделирование распространения информации в социальных сетях, осуществлённое американскими исследователями Хайян Ван, Фэн Ван, Куай Сюй [12], Веса Куикка [8], Стивена Боргатти, Мартина Эверетта [6]. Данные исследования являются междисциплинарными (на стыке математики, анализа социальных сетей и науки о данных) и представляют новый подход к анализу коммуникации и распространения информации в социальных сетях с использованием динамического моделирования и дифференциальных уравнений. Этот исследовательский подход в целом меняет парадигму моделирования распространения информации в социальных сетях и закладывает теоретическую основу для решения проблем пространственно-временного моделирования в эпоху больших данных, позволяет нам осуществить классификацию информационных потоков, поиск сообществ (кластеров) онлайн-пользователей.

Характеристика исследования

Междисциплинарный подход в изучении коммуникации и информационных потоков даёт возможность анализа социальных медиа, поиска скрытых закономерностей в коммуникационных сетях, синтеза имитационных моделей информационного влияния и управления, использования интеллектуальной системы анализа социальных медиа. Используемыми

инструментами социологического анализа коммуникации являются интеллектуальный анализ big data, анализ социальных сетей с поиском агентов влияния, определения тональности контента, его кластеризация.

Исследование построено на сочетании методов, относящихся к количественной (киберметрия информационных потоков в социальных медиа) и качественной (дискурс- и контент-анализ социально-медийных сообщений) стратегиям прикладного анализа. В основе дизайна исследования лежит социальная медиааналитика (social media analytics), осуществлённая посредством выгрузки и анализа сообщений социальных медиа с использованием российской системы мониторинга анализа социальных сетей «Медиалогия». Social big data позволяют анализировать социально-политические реакции на события в социальных медиа и рассматривать их как социальное явление нового типа, дающее возможность видеть социальное взаимодействие, обеспечиваемое коммуникацией.

Использование онлайн-сервиса мониторинга социальных медиа «Медиалогия» позволило аккумулировать порядка 800 тыс. информационных документов (сообщений, комментариев) из социальных сетей, форумов, блогов, мессенджеров и определить параметры информационного потока: его вес, динамику, социально-демографические характеристики авторов потока, их геолокацию, тональность интернет-контента.

Реализованные кейсы анализа политико-коммуникативных сетей, создающих политическую протестность и нигилизм, актуализируют социально-медийный анализ коммуникаций как среды формирования неконвенциональных социальных установок, разрушающих традиционные политические и социальные структуры. Наиболее масштабно и результативно такие политико-коммуникационные сети формируются в коммуникативном пространстве и Украины, и Крыма. Наш исследовательский интерес к украинскому и крымскому кейсам обусловлен степенью конфликтности и неоднозначности информационной оценки влияния событий на российскую тематику, и, как следствие, формированием неоднозначных информационных потоков украинского сегмента интернета, транслируемых, в том числе, и на Крым.

Исследование состояло из двух этапов. На первом были проанализированы два временных периода – политический кризис на Украине, связанный с президентской кампанией марта 2019 г., и кризис первой волны пандемии Covid 19 в марте 2020 г. На втором этапе авторами был осуществлён анализ медиа-ресурсов, ориентированных на крымский межэтнический дискурс в российских, крымских и украинских интернет-медиа в течении 2019–20 гг. Контент-анализ текстов интернет-ресурсов позволил сформировать 4 информационных потока межнационального медиадискурса, формируемого на полуострове как региональными, федеральными, так и внешними, в том числе украинскими, акторами.

1. Поток, формирующий негативные установки на состоявшийся Крымский референдум с условным названием ««Нелегитимность» Крымского референдума» (поток с наибольшим объёмом – 314820 сообщения).

2. Поток «внешний фактор», связанный с международным давлением на Крым (188392 сообщения).

3. Поток, нацеленный на образование межнационального согласия и единства в Крыму, – «межнациональное единство» (117011 сообщений).

4. Поток, создающий негативные неконвенциональные установки в межнациональных коммуникациях внутри полуострова, с условным названием «Крым – территория межнационального конфликта» (88499 сообщения).

Вся совокупность полученных больших социологических данных и результаты мониторинга социальных сетей позволили сформировать базу для объективного определения вида закономерностей и причинно-следственных связей в понимании системы межнациональных коммуникаций в условиях цифровой и реальной сред, включая группы риска.

Анализ украинских информационных потоков

Одним из результатов исследования стал анализ динамики в информационных потоках Украины российско-украинского дискурса, выявляющего агентов консолидации и дезинтеграции интернет-аудитории украинского постконфликтного общества. Для анализа были отобраны медиаповоды на российскую тематику, присутствующие в украинской медийной повестке, определены информационные поводы, получившие максимальную популярность в медиaprостранстве Украины за исследуемые периоды – март 2019 г. и март 2020 г. Дискурс-анализ медиаповестки двух исследуемых периодов позволил сформировать тренды украинского информационного пространства (см. рис. 1).

Оказалось, что несмотря на различный социально-политический фон в обществе, медийная повестка содержит одни и те же информационные поводы. Отсюда был сделан предварительный вывод, что медиаповестка постконфликтного общества является искусственно формируемой, с использованием внешних факторов и некой медиаматрицы.

Следующим шагом нашего анализа было определение веса информационных потоков, формируемых медиаповесткой постконфликтного общества. Наиболее объёмными и весомыми потоками оказались два: первый ориентирован на крымский дискурс, второй – на дискурс гражданского конфликта на Донбассе (см. рис. 2).

Глубокий анализ двух основных выявленных потоков показал наличие в них различных типов волн. Выделение классификации информационных потоков позволило говорить о потоках двух типов: мультиволновых, протекающих по схеме «событие – информационный шум – информационный спад – информационный шум – информационный спад»; и одноволновых, которые существуют по модели «событие – информационный шум – информационный спад» (см. рис. 3.1, 3.2.).

Медиаповестка периода политического кризиса –
предвыборной компании 2019 года:

- Санкции против России
- Армия РФ, вооружения
- Нормандская четверка
- Донбасс
- Воссоединение Крыма и России
- Выборы в Крыму
- Конфликт Украины и РФ в Черном море
- Электроснабжение Крыма
- Аресты экстремистских групп в Крыму
- Падение Боинга 777
- Процессы в СНГ и мире
- Газовый вопрос
- Разрыв договора о дружбе и сотрудничестве между РФ и Украиной
- Общеукраинский дискурс
(языковой вопрос, звезды шоу-бизнеса, вооружение)
- Президентские выборы-2019

Медиаповестка периода первой эпидемии волны Covid-19:

- Санкции против России
- Крымский мост
- Крымские татары
- Переговорный процесс по Донбасу
- Падение Боинга 777
- Армия РФ, вооружения
- Убийство в Москве украинских шахматистов
- Нефтяной кризис
- Евровидение 2020
- Коронавирус
- Российско-украинская граница

Рис. 1. Основные тренды украинской медиаповестки марта 2019 и марта 2020 гг.

*Figure 1. The main trends of the Ukrainian media agenda
for March 2019 and March 2020*

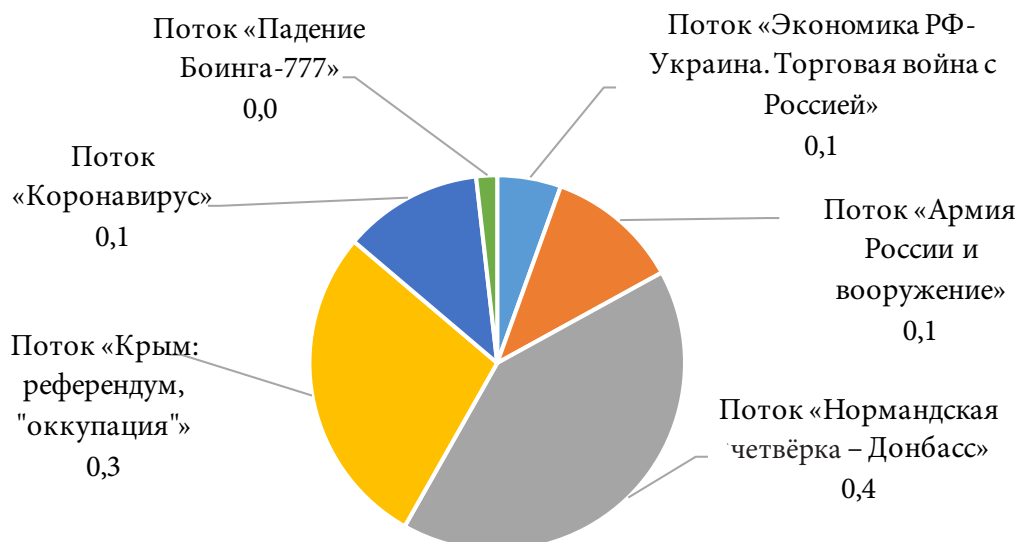

Рис. 2. Вес информационных потоков украинского интернет-пространства

Figure 2. Weight of information flows of the Ukrainian Internet space

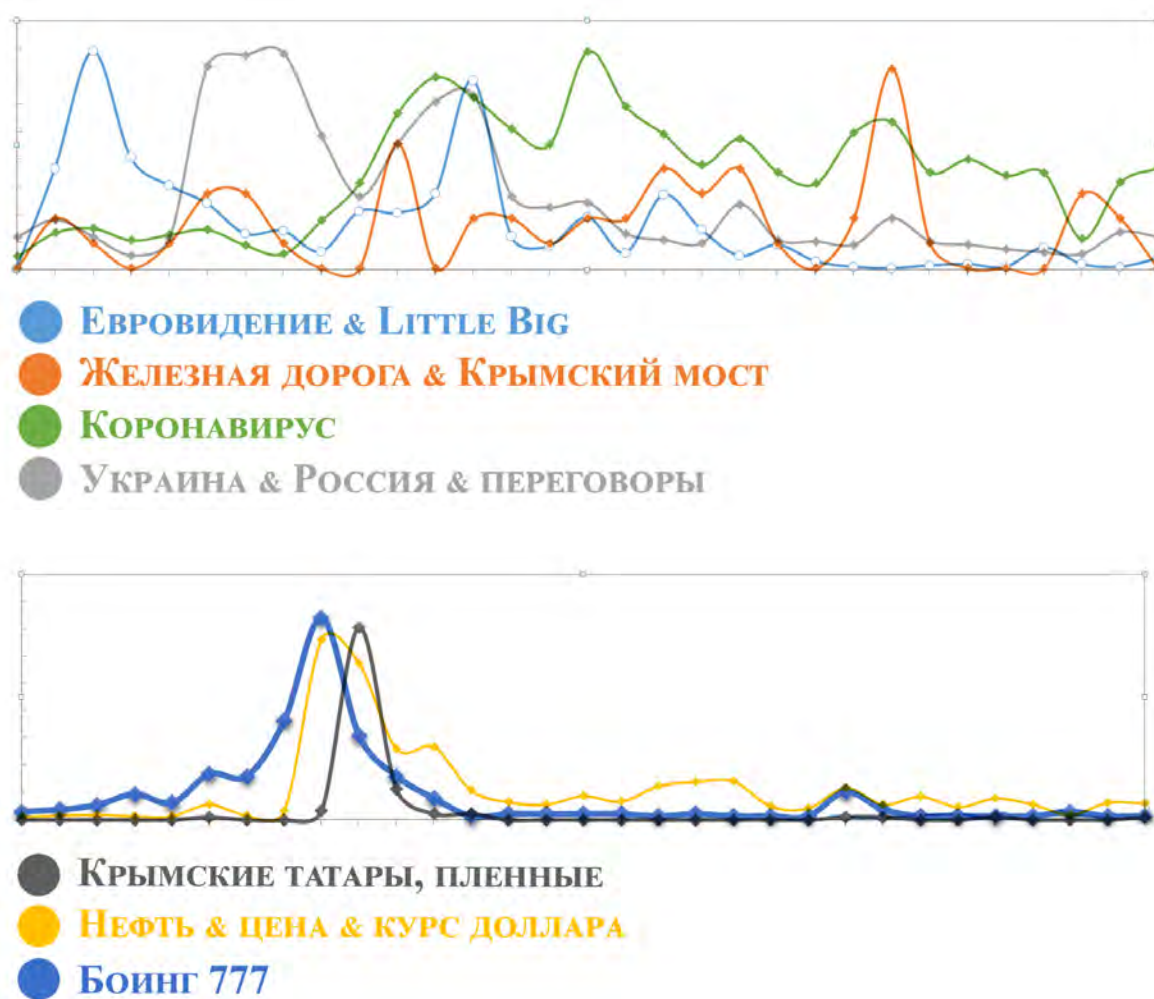

Рис. 3.1 и 3.2. Динамика информационных потоков разных типов

Figure 3.1 & 3.2. Dynamics of different types of information flows

Изучение внутренней структуры потоков двух типов подтвердило их различный генезис: один сформирован агентами, функционирующими в сетевых ресурсах, другой – агентами, присутствующими в региональном медиапространстве (см. рис. 4.1, 4.2 и 5.1, 5.2).

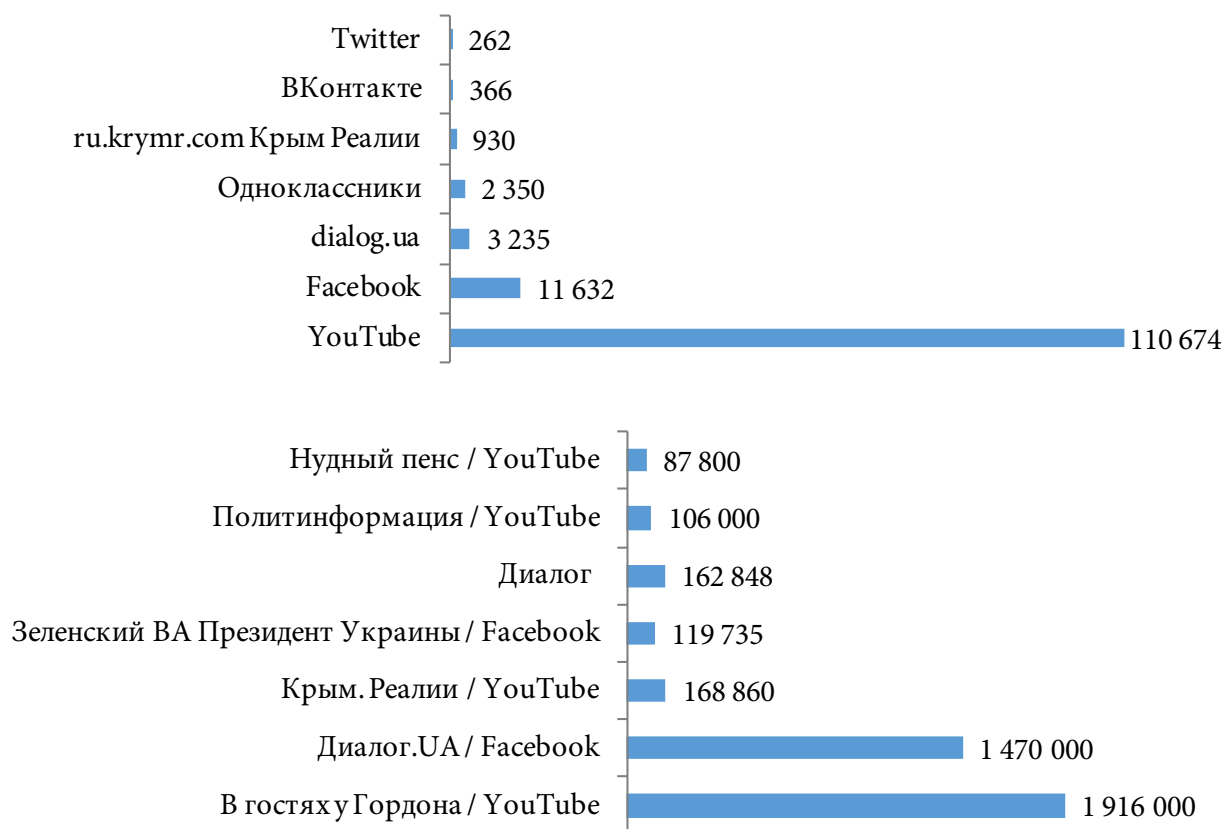

Рис. 4.1 и 4.2. Инфраструктура информационного потока (крымский дискурс)

Figure 4.1 & 4.2. Information flow infrastructure (Crimean discourse)

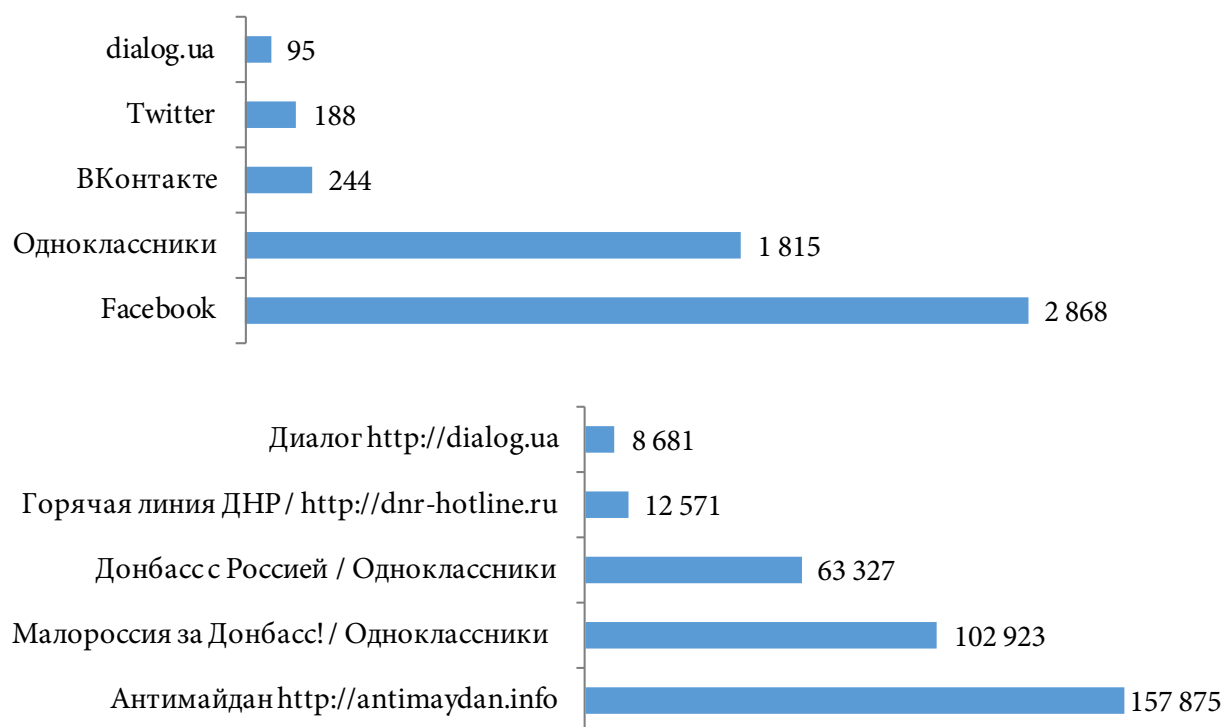

Рис. 5.1 и 5.2. Инфраструктура информационного потока (дискурс гражданского конфликта на Донбассе)

Figure 5.1 & 5.2. Information flow infrastructure (discourse of civil conflict in Donbass)

Почему были обнаружены такие различия в генезисе и инфраструктуре потоков? С одной стороны, оба информационных потока обладают неоднозначностью и конфликтностью; с другой стороны, первый (крымский) можно охарактеризовать как открытый, с наличием сетевых акторов, второй (донецкий) – как региональный, закрытый, без присутствия украинских акторов.

Авторы объясняют зафиксированные тенденции геополитическими закономерностями формирования медийной повестки на Украине. Крымский дискурс в большей степени присутствует в международном поле по причине неодобряемого международным сообществом Крымского референдума, воссоединения Крыма с Россией, введения санкций как на территории полуострова, так и в отношении России в целом. Донецкий дискурс функционирует, скорее, в украинском медиапространстве. Хотя, судя по выявленным объектам структуры потока по Донбассу, можно предположить, что существует два информационных потока с донбасским кейсом: внутренний украинский и внутридонецкий. Результаты, полученные нами, скорее отражают внутридонецкий информационный поток.

Анализ крымского медиадискурса

В информационном потоке «Нелегитимность» Крымского референдума» представлено несколько тематических массивов: непризнание представителями крымскотатарской группы легитимности Крымского референдума; «нарушение прав человека» в Крыму Россией, которую представляют в виде врага и «агрессора»; деятельность меджлиса (запрещённого в РФ) и его лидера Р. Чубарова. Поток формируется площадками как с российской геолокацией с аудиторией порядка 2 млрд пользователей, так и из США (26,5 млн), Канады (3,6 млн), Литвы (615 тыс.), Украины (350 тыс.) в основном на социальных площадках ВКонтакте (32%), Facebook (24%), Одноклассники (17%) и Instagram (11%). Данный поток поддерживается внешними акторами, что подтверждается значительным присутствием в нём украинских групп – от сетевых (1k.com.ua, Крым Реалии) до региональных (Чонгар–Чаплынка–Каланчак). Авторы этого потока разновозрастные и высокообразованные (с высшим образованием более 70%), с геолокацией в России и на Украине.

Информационный поток «Внешний фактор» сконцентрировал все дискурсы, связанные с влиянием на жизнедеятельность Крымского полуострова как государств (США, Турции, Украины), так и международных организаций (ООН и ЮНЕСКО). Основная аудитория потока из России (порядка 1 млрд пользователей), Украины (около 177 млн), США (10 млн), Республики Беларусь (7 млн), Эстонии (5,4 млн), Испании (4,7 млн), Турции (4,3 млн), Германии (2,7 млн). Основными медиаплощадками потока являются ВКонтакте (32%), Facebook (23%), Одноклассники (16,5%) и Instagram (9%). Медиаповестка внешнего давления на полуостров в основном формируется посредством сетевых ресурсов.

Авторы, формирующие данный поток, – в основном люди зрелого возраста (40–60 лет – 39%, старше 60 лет – 30%), большей частью женщины (66%), с высшим образованием (70%), с небольшими личными аудиториями (у 30% – менее 100 подписчиков, у 38% – от 100 до 500 человек), что свидетельствует о том, что это, скорее всего, средний корреспондентский состав СМИ и интернет-ресурсов, выполняющих текущую и системную журналистскую работу.

Информационный поток «Межнациональное единство» представляет медиаповоды, транслируемые крымскими и федеральными ресурсами, направленные на смягчение социокультурных и экономических последствий депортации крымских татар, единство основных этнических групп на полуострове, формирование установки о Крыме как о территории межнационального согласия, описание социальных и экономических возможностей для представителей различных этнических групп, в том числе и для крымских татар. Этот российско-украинский поток базируется в ВКонтакте, сетях Facebook и Одноклассники.

Информационный поток «Крым – территория межнационального конфликта» сформирован новыми дискурсами, рассматривающими отношения между этническими группами, проживающими на полуострове – крымскими татарами и русскими, крымскими татарами и чеченцами, армянами и азербайджанцами, особенно на фоне Карабахского конфликта 2020 г. В основном этот поток российский с аудиторией около 1 млрд пользователей социальных сетей ВКонтакте и Facebook, что говорит о доминировании в нём внутренней российской медиаповестки.

Социально-демографические характеристики авторов потоков о межнациональной консолидации и конфликтности похожи: в возрастном отношении это либо молодые авторы (25–39 лет – 25%), либо зрелые (40–60 лет – 38%, старше 60 лет – 31%), имеющие средние размеры своих аудиторий – в основном от 5000 человек.

Заключение

Осуществлённая социальная медиааналитика информационных потоков постконфликтных обществ на примере Украины и Крыма показала, что в кризисных условиях в социуме формируются коммуникативные сети, которые создаются зачастую с использованием и благодаря внешнему влиянию (внешнему фактору, акторам, субъектам, требованиям международного социально-медийного фона).

Дискурсивный анализ информационной повестки Украины показывает некую медийную матрицу с системными, постоянно присутствующими информационными поводами. Несмотря на то, что основные события в исследуемых периодах касались предвыборной кампании и протекания первой волны пандемии Covid 19, дифференциация информационных потоков подтвердила высказанный тезис о системности работы внешних информационных акторов в украинском медиаполе, что доказывает обладание максимальным весом двух: 1) связанного с дискур-

сом гражданского конфликта на Донбассе и переговорным процессом внутри Нормандской четвёрки, и 2) ориентированного на крымские события, Крымский референдум, обсуждение сегодняшних условий жизни людей на Крымском полуострове.

Итак, можно говорить о наличии неких информационных организационных структур, формируемых по принципу пространства автономии в дефиниции М. Кастельса, которые являются трансформационной силой с трансляцией необходимых медиасообщений, ориентированных на определённую аудиторию. Таким образом, информационные потоки постконфликтного общества формируются не только из реальных событий повседневности и существующей социально-политической ситуации, но и ориентируясь на ряд тематик и дискурсов, которые должны присутствовать в обязательном порядке в медийном поле. Они выступают информационными триггерами, системными пусковыми элементами, формирующими разное протекание информации, которые были дифференцированы как одно- и мультиволновые информационные потоки. Что касается так называемых «обязательных» медиаповодов, то они (в силу своей искусственности и неестественности для общественного мнения) носят скорее одноволновой характер, несистемно охватывая медиaprостранство и недостаточно эффективно воздействуя на общественное мнение.

Анализ выявленных потоков украинского медиaprостранства, представляющих коммуникативные сетевые конструкции, свидетельствует о различном генезисе их возникновения и функционирования, но определяющим в этом процессе является запрос внешних игроков – США и Евросоюза – на формирование медиатреков. Интересным моментом является то, что поток, отражающий непосредственный гражданский конфликт, конфликтен и дезинтегрирован в своей основе. Это говорит о том, что современные информационные потоки конфликтных и постконфликтных обществ выступают коммуникативно-политическими структурами, в понятии М. Кастельса, имеющими двойную природу: изначально несут идеи открытого и демократического общества, затем – формируют конфликтные ситуации в гражданском и медийном полях.

Ситуации в странах, где произошли цветные революции, в основе которых лежало стремление к построению демократического и открытого общества, ухода от тоталитарных устоев, характеризуются совершенно обратным результатом. Новые средства коммуникации позволили сформировать «гибридные» медиа, транслирующие демократические политические идеи, которые, по выражению М. Маклюэна, «очаровывают» своих пользователей, а в действительности навязывают им свои убеждения и ценности, формируя тот тип мышления и формат идей, которые необходимы новым – пришедшим с помощью революционного насилия – коммуникативно-политическим структурам [9]. При этом само понятие «демократический», в основе которого изначально лежали идеи коллективного дискурса, равного участия, открытого принятия политических решений, теряет свою истинную сущность и сегодня при-

обретает вольную трактовку, в зависимости от интересов конкретных политических акторов. Такая ситуация формирует недемократические общества с двойными политическими стандартами, экономическими ограничениями, санкционностью в широком смысле – от политической и экономической до социокультурной и исторической, уходом от традиционных семейных и религиозных ценностей, искусственным навязыванием ультралиберальных смыслов – от феминизма до идеалов гендерной дезориентации. В результате такое ожидаемое политическое последствие демократии как коммуникационное изобилие приводит не к демократизации информации, а, наоборот, становится инструментом социальной несвободы, который способствует помещению человека в систему заранее установленных паттернов.

Система межнациональных интернет-коммуникаций, сложившаяся на Крымском полуострове, также отличается конфликтностью и подвержена воздействию внешних акторов. Более того, информационные потоки, формируемые внешними ресурсами и интернет-сетями, являются наиболее объёмными и влиятельными – это поток, формируемый медиаповодами государств-соседей, США, международными структурами, и поток, направленный на делегитимизацию событий Крымской весны и Крымского референдума. Эти потоки формируются извне посредством сетевых ресурсов, целенаправленно и системно работая на создание установок нескольких типов: антироссийских – формирование образа врага-агрессора и нигилистического отношения к России; русофобских – против всего русского вообще с созданием антиконсервативных смыслов, уходом от традиций и устоев, от семейных основ, патернализма, которые всегда были присущи российскому обществу; и антипутинских – направленных на дискредитацию российского политического лидера.

Потоки этноконфессионального согласия и конфронтации немногочисленны по объёму и имеют либо российско-украинскую базу (как поток «Крым – территория межнационального конфликта»), либо только внутрироссийскую (как поток «межнационального согласия»). Данный факт свидетельствует о том, что интеграционный фактор в межэтнических коммуникациях на полуострове формируется российскими акторами, а конфронтационный – конфликтен по сути. Он формируется под воздействием как российских акторов, стремящихся информационно, экономически и социально смягчить дезинтегрирующие аспекты межнациональных коммуникаций (в частности, медиатреки по депортации 1944 г.), так и украинских, создающих антироссийские и можно даже сказать – антикрымские установки.

Проведённый анализ показал значимость использования больших социальных данных в коммуникационной среде с учётом того, что именно сетевые коммуникации (как показывает современный мир), формируют новые смыслы у людей и даже меняют государственные правительства. Считаем, что в структуре межнациональных коммуникаций в Крыму необходимо развивать интегративный дискурс. Однако в его основе должны быть не только информационные треки, формируемые внутри

полуострова, но и федеральная повестка, которая пока недостаточно присутствует в коммуникациях крымской интернет-аудитории. Именно федеральные интегративные медиатреки будут способствовать созданию единого смыслового поля крымского интернет-сегмента с российским интернет-пространством и ослаблению внешних интернет-акторов, системно формирующих антироссийский дискурс.

Библиографический список

1. Губанов Д. А., Новиков Д. А., Чхартишвили А. Г. Модели влияния в социальных сетях // The Web portal Research Gate. URL: https://www.researchgate.net/profile/Dmitry_Novikov5/publication/274390365_Modeli_vliania_v_socialnyh_setah/links/55900ad908ae15962d8c3dd9/Modeli-vliania-v-socialnyh-setah.pdf (дата обращения: 10.03.2021).
2. Кастельс М. Власть коммуникации. М.: ИД НИУ ВШЭ, 2016. 563 с.
3. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 494–505.
4. Кин Дж. Демократия и декаданс медиа. М.: ИД НИУ ВШЭ, 2015. 312 с.
5. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ. 2004. 140 с.
6. Borgattia S. P., Everettb M. G. A Graph-theoretic perspective on centrality 2006 // The Web portal Research Gate. URL: https://www.researchgate.net/publication/222405203_A_Graph-Theoretic_Perspective_on_Centrality (дата обращения: 10.03.2021).
7. Granovetter M. Networks and Organizations: Structure, Form, and Action. Harvard Business School. 1992. 217 p.
8. Kuikka V. Influence spreading model used to analyse social networks and detect sub-communities. 2018 // Springer Web portal. URL: <https://computationalsocialnetworks.springeropen.com/articles/10.1186/s40649-018-0060-z> (дата обращения: 10.03.2021).
9. McLuhan M. Understanding Media: The Extensions of Man. McGraw-Hill, 1964. 318 p. ISBN 81-14-67535-7
10. Nickerson D. W. Is Voting Contagious? Evidence from Two Field Experiments // American Political Science Review. 2008. Vol. 102. P. 49–57
11. Noelle-Neumann E. The Spiral of Silence. Public Opinion: Our Social Skin. Chicago; L.: University of Chicago Press, 1984.
12. Wang H., Wang F., Xu K. Modeling Information Diffusion in Online Social Networks with Partial Differential Equations. 2020 // Springer Web portal. URL: <https://www.springer.com/gp/book/9783030388508> (дата обращения: 10.03.2021).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ярмак Ольга Валерьевна, кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой «Социальные коммуникации», Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия.

Большакова Мария Геннадьевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Теория и практики перевода», Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия.

Шкайдерова Татьяна Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Социальные коммуникации», Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия.

Маранчак Анастасия Геннадиевна, специалист 1-ой категории, Институт социологических исследований, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия.

DOI: 10.19181/vis.2021.12.1.703

Social Communication Paradoxes in Post-Conflict Societies

The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project No. 20-011-31565 «Sociological dimension of interethnic and interreligious harmony in the Republic of Crimea and Sevastopol using semi-Markov processes and agent-based modeling»

Olga V. Yarmak

Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

E-mail: sociocentre@sevsu.ru

ORCID ID: 0000-0002-5025-9112

Mariya G. Bolshakova

Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

E-mail: marie-mary@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-9757-0162

Tatyana V. Shkayderova

Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

E-mail: romy@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-5370-4237

Anastasia G. Maranchak

Institute for Sociological Research, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

E-mail: amaranchak@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-0421-8675

For citation: Yarmak O. V., Bolshakova M. G., Shkayderova T. V., Maranchak A. G. Social communication paradoxes in post-conflict societies. *Vestnik instituta sotziologii*. 2021. Vol. 12. No. 1. P. 136–152. DOI: 10.19181/vis.2021.12.1.703

Abstract. The article presents the results of a media-analytical study of information flows in Ukraine and in the “new” subjects of the Russian Federation – Crimea and Sevastopol. The relevance of the study of post-conflict societies is dictated by the fact that in the digital era, an effective military solution must be supported by participation in the formation of the information agenda and management of information flows. The cases of color revolutions allow to speak of communication as a factor in the formation of unconventional social attitudes.

The results of the study carried out by the authors show that in the condition of the crisis in society, communication networks are formed often due to the external influence. Information flows of a post-conflict society are formed not only from real events of everyday life and the existing socio-political situation, but also focusing on a number of topics and discourses that must be present in the media field without fail. They act as information triggers, system trigger

tools that form a different streaming of flows, which were differentiated by the authors as single – and multi-wave. The analysis of the identified flows, that represent communicative network structures, testifies to the different genesis of their emergence and functioning, but the determining factor in this process is the geopolitical request for the formation of media tracks. The authors come to conclusion that the information flows of post-conflict societies are communicative-political structures of a dual nature: they initially carry the ideas of an open and democratic society, but then form conflict situations in the civil and media fields.

Keywords: social media, big data, information flow, Republic of Crimea, Ukraine

References

1. Gubanov D. A., Novikov D. A., Chkhartishvili A. G. Models of Influence of Social Media. The Web portal Research Gate. URL: https://www.researchgate.net/profile/Dmitry_Novikov5/publication/274390365_Modeli_vliania_v_socialnyh_setah/links/55900ad908ae15962d8c3dd9/Modeli-vliania-v-socialnyh-setah.pdf. Accessed 10.03.2021. (In Russ.)
2. Castells M. The power of communication: ucheb. posobie. Moscow: NRU HSE publ., 2016. 564 p. (In Russ.)
3. Castells M. Formation of a society of network structures. New post-industrial wave in the West. Anthology / Ed. by V. L. Inozemtsev. Moscow: Academia. 1999. P. 494 – 505 (In Russ.)
4. Keane J. Democracy and media decadence. Transl. from Eng. by D. Kravchukin. Moscow: NRU HSE publ., 2015. 312 p. (In Russ.)
5. Toffler E. Third wave. Moscow: AST publ., 2004. 140 p. (In Russ.)
6. Borgatti S. P., Everett M. G. A Graph-theoretic perspective on centrality. The Web portal Research Gate. URL: https://www.researchgate.net/publication/222405203_A_Graph-Theoretic_Perspective_on_Centrality. Accessed 10.03.2021.
7. Granovetter M. Networks and Organizations: Structure, Form, and Action. Harvard Business School, 1992. 217 p.
8. Kuikka V. Influence spreading model used to analyse social networks and detect sub-communities. Springer Web portal. URL: <https://computational-social-networks.springeropen.com/articles/10.1186/s40649-018-0060-z>. Accessed 10.03.2021.
9. McLuhan M. Understanding Media: The Extensions of Man. McGraw-Hill, 1964. 318 p.
10. Nickerson D. W. Is Voting Contagious? Evidence from Two Field Experiments. American Political Science Review. 2008. Vol. 102. P. 49–57
11. Noelle-Neumann E. The Spiral of Silence. Public Opinion: Our Social Skin. Chicago; Chicago (IL): University of Chicago Press, 1984.
12. Wang H., Wang F., Xu K. Modeling Information Diffusion in Online Social Networks with Partial Differential Equations. Springer Web portal. URL: <https://www.springer.com/gp/book/9783030388508>. Accessed 10.03.2021.

The article was submitted on: September 22.2020

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olga V. Yarmak, candidate of sociological sciences, Associate Professor, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

Mariya G. Bolshakova, candidate of pedagogical Sciences, Associate Professor, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

Tatyana V. Shkayderova, candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

Anastasia G. Maranchak, specialist of First category, Institute for Sociological Research, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia